

Лизандер Дмитрий Карлович

Перед закатом

**Очерки дум и природы и песни о
любви**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Карлович Л.**
Перед закатом: Очерки дум и природы и песни о любви / Лизандер Дмитрий Карлович –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 180 с.

ISBN 978-5-519-93464-0

ISBN 978-5-519-93464-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СТРАННЫЙ РЕБЕНОКЪ.

(ТРИ СОНЕТА).

I.

Отъ шумныхъ игръ съ дѣтьми, отъ ихъ забавъ съ
коньками,

Онъ часто убѣгалъ — и маленькія ножки
Спѣшили то къ рѣкѣ, то въ глушь лѣсной дорожки,
То въ золотую рожь, за лѣсомъ, надъ лугами.

И тамъ, вдали отъ всѣхъ, вперялъ онъ глазки-крошки
Въ лѣсъ, въ волны, въ небеса, горѣвшія лучами,
Въ летучій мракъ тѣней и въ блескъ надъ васильками
То пестрыхъ мотыльковъ, то золотистой мошки.

И часто бѣглеца, усталой няни взоры
Едва могли найти въ межѣ, въ лѣсной канавѣ.
Глядѣть, Богъ вѣсть на что, неслыханной забавѣ

Дивилась старая, пускалася въ укоры;
А маленькій бѣглець, въ домъ, къ дѣтямъ съ ихъ конь-
ками,

Изъ рошъ да изъ полей, шелъ чуть не со слезами...

II.

И до ночи ему, и въ дѣтской и по заламъ,
Сквозь шумъ и крики игръ, все слышались, то всплески
Сіяющей рѣки, то эхо за обваломъ,
То чудный гулъ въ поляхъ, то шопоть въ перелѣскѣ.

И рдѣла все надъ нимъ глубь неба въ синемъ блескѣ,
Летали облака въ огнѣ, въ сверканіи аломъ,
Качались темныхъ липъ концы и занавѣски.
А вдаль тянулся лугъ душистымъ покрываломъ.

И тихъ, и одинокъ, отъ скачекъ и сраженій
Шелъ прочь онъ; не слыжалъ, какъ ржали крошки кони,
Какъ падали съ столовъ, отъ храбрыхъ нападеній,

Полки и города, какъ хлопанье въ ладони
Встрѣчало ихъ разгромъ... И няня, молчаливо,
На крошку-дикаря дивилась, какъ на диво.

III.

Когда жъ, въ глухую ночь, домъ, дѣтская, старушка,
Прикрытая своей китаичатой шубейкой,
Все спало, для него, отраднѣй, чѣмъ подушка
И сладкій сонъ, была передъ окномъ скамейка.

Тамъ внучка няни, вся подъ мѣсяцемъ,—рѣзвушка
Кудрявая,—спала. Чудакъ глядѣлъ, какъ змѣйкой,
Лучъ блѣдный къ ней на грудь всползалъ, горѣлъ
сквозь ушко,

И томно погасалъ въ кудряхъ, надъ бѣлой шейкой.

И если, иногда, сквозь старческихъ просонокъ,
И это замѣчалъ вздоръ няни хоть полглазомъ,
Ей думалось: „Каковы! Ну крошка! Ну ребенокъ!“

И, съ дива, заходилъ въ старушкѣ умъ за разумъ;—
А въ крошкѣ—росъ поэтъ, уже и въ эти годы,
Поклонникъ красоты, раздумья и свободы...

ПАМЯТИ М. П. ПОГОДИНА.

Чернорабочій въ храмъ необъятномъ,
Что Русь исторіей своею назоветъ,
Когда главу, въ сіяньи беззакатномъ,
Ста миллионовъ храмъ, надъ грудой стѣнъ, внесетъ.

Чернорабочій,—онъ не позолоту
Клалъ смѣло на гдаву; не кистью, не рѣзцомъ
Производилъ художника работу;
Не своды онъ сводилъ во храмъ вѣковомъ.

Чернорабочій,—добывалъ онъ камень
На кладку стѣнъ; соръ, грязь сбивалъ со всѣхъ угловъ;
Входъ расчищалъ... Но страсть, но сердца пламень,
Вносилъ онъ въ этотъ трудъ, вносилъ въ него любовь.

Его душѣ рабочей, пыльный молотъ
Былъ полстолѣтія орудіемъ святымъ.

И старъ, и слабъ, онъ силенъ былъ и молодъ
За взмахами его, за думами надъ нимъ....

Чернорабочій... Но когда взнесется
Весь храмъ во всей красѣ и всею вышиной
И геній-зодчій, именемъ, сольется
На вѣки всѣхъ вѣковъ, съ постройкой вѣковой.

Въ тѣ дни, вся Русь пойметъ, какъ многоплоденъ
Въ гигантскомъ зданьи трудъ и черныхъ всѣхъ работъ
И имена ихъ несшихъ, и „Погодинъ“
Съ почтеніемъ, и не разъ, она произнесетъ.

1875 г. 12 декабря.

ПРЕГРАДА.

(А. Б. К.....вой).

Часто и долго, съ тоской безразсудною,
Въ частыя встрѣчи, въ минуты прощанія,
Я созерцалъ красоту ея чудную,
Полный восторга и полный страданія.

Какъ были пламенны очи лазурныя,
Какъ ослѣпительна грудь бѣлоснѣжная,
Свѣжи уста, густо, жарко пурпурныя,
Томно чело молодое и нѣжное!

Въ милыхъ чертахъ все играло плѣнительно—
Грусть и улыбка, покой и волненія,
Звукъ всѣхъ рѣчей навѣвалъ упоительно
Сны о любви и о счастья видѣнія.

Но передъ ней, жаждѣ счастья преградою,
Строго возносилась святыня вѣнчанія.
Ею любимой быть, мнѣ, не отрадою,
Мукою были бы даже мечтанія.

Для одного, для законно-счастливаго,
Зрѣли любви ея тайны чудесныя,
Первыя грезы желанья стыдливаго,
Вздохи ихъ, грусть и улыбки небесныя.

И никогда передъ нею, свободное,
Слова любви не просило отвѣтнаго,
Даже пожатъе руки,—не холодное,—
Не обнаружило чувства завѣтнаго.

Только безмолвно, съ тоской безразсудною,
Въ частыя встрѣчи, въ минуты прощанья,
Я созерцалъ красоту ея чудную,
Полный восторга, любви и страданія...

ВЬЮГА ПОДЪ ЛѢСАМИ.

(СОНЕТЪ).

Въ зимній холодъ, точно по неволѣ,
Изъ-за сосенъ, хмурыхъ по вершину,
Три березы вышли на долину
И глядятъ, что дѣлается въ полѣ.

Въ полѣ жъ вьюга, съ вихремъ на подолѣ,
Съ тьмой вверху, всю снѣжную равнину
Превратила въ бурную пучину—
И шумить, кипить на дикой волѣ.

Вздогнули березы—и завыли,
Какъ по мертвымъ воютъ на погостѣ.
Затрещали сучья ихъ, какъ кости.

И трескучій вой ихъ подхватили
Сосны, ели хмураго полѣся—
И пошолъ онъ вплоть до поднебесья.

ВСТРѢЧА ВЕСНЫ.

Прощайся съ грустію твоей,
Какъ съ мрачнымъ, но съ минувшимъ сномъ
И выходи на встрѣчу ей,
Съ улыбкой, съ радостнымъ челомъ!

Весна! Ужъ радость и сказать.
Безумны грусть и мракъ лица
Подъ эту жизни благодать,
Подъ чудеса ея Творца.

Взгляни! Улыбкой сводъ небесь,
Во всѣ концы, ужъ засіялъ;
Улыбкой лучъ упалъ и въ лѣсъ,
И въ воды, и въ глухой обвалъ.

И гдѣ всѣ долгіе труды
Суровой, пасмурной зимы?
Гдѣ холодъ, гдѣ нѣмые льды
И глушь, и сумраки тюрьмы?

Пиръ, свѣтлый пиръ, на цѣлый міръ,
Несетъ дней свѣтлыхъ череда.
И мракъ зимы, на этотъ пиръ—
Не бросилъ даже и слѣда.

Гдѣ превращалъ мороза трескъ
Въ ледъ воды, въ камень склоны горъ,
Тамъ теплыхъ водъ играетъ плескъ,
Зеленыхъ травъ блеститъ коверъ.

А тамъ, въ кустахъ, гдѣ зло, какъ змѣй
Шипѣла, билася метель,
Тамъ страстно сыпетъ соловей
Напѣвы ласкъ и нѣги трель...

Надъ всѣмъ, безрадостно былымъ,
Пируетъ радостно весна
И всѣмъ, всѣмъ горестямъ твоимъ
Несетъ, дастъ радость же она.

Оглянешь ты весь свѣтлый пиръ,
Охватитъ онъ тебя кругомъ—
И зазвучитъ звукъ райскихъ лиръ
Надъ скорбнымъ сердцемъ и умомъ,—

Тѣхъ лиръ, которыхъ хоръ душа
Внимаетъ въ юности святой,
Сама, какъ юность, хороша,
А въ осень жизни—лишь весной,—

Тотъ хоръ, куда Господь вдохнулъ,
Роскошный гимнъ о благѣ жить,
Избытка силъ волшебный гулъ
И пѣснь о счастьи любить.

И заглушить небесный хоръ
Змѣю тоски въ твоей груди...
Неси жъ веснѣ привѣтный взоръ,
Всѣмъ сердцемъ, къ встрѣчѣ съ ней, иди.
